
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

C. З. Семерник

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: ЭКСПАНСИЯ ЭКОНОМИЗМА

Рассматривается вопрос об усилении роли экономики и производных от нее феноменов в пространстве современного социума. В частности, поднимается проблема экономизации* отношений, возникающих в таких социальных институтах, как наука и образование. Высказывается мысль о том, что усиление данных процессов крайне разрушительно для общества и выступает источником кризисных явлений. Автор разделяет позицию о недопустимости того, чтобы экономическая деятельность из инструмента обеспечения частных и общественных нужд превратилась в самодавлиющую сущность, определяла принципы функционирования важнейших неэкономических институтов общества.

Ключевые слова: экономизм, экономоцентризм, образование, наука, неэкономический институт, рыночные отношения, рентабельность.

S. Semernik

Science and Education: Expansion Economism

The article discusses the increasing role of economics and its derivative phenomena in the space of modern society. In particular, the problem raised of economizing relations arising in the social institutions such as science and education. It is suggested that the strengthening of these processes is extremely destructive to society and is the source of the crisis. The fact that economic activities are getting turned from an instrument of private and public needs to the essence itself and determine the principles of the most important non-economic institutions of society is discussed.

Keywords: economism, economocentrism, education, science, non-economic institutions, market relations and profitability.

В существующем обществе totally преобладает экономический дискурс в оценке важнейших проблем современности. Соответственно усиливаются попытки разрешить возникающие проблемы экономическими методами, экономическую пиллюю провозгласить панацеей от всех проблем.

Так, в академической среде значительно увеличилось количество работ, посвящен-

ных вопросу применения экономического подхода в различных сферах человеческой деятельности. Появились политэкономия культуры, политэкономия образования, политэкономия воспитания, здравоохранения и т. д. В рамках данного подхода, вслед за европейскими учеными, отечественные исследователи стали применять принцип рыночной рациональности, количественный

подход, теорию обмена при решении вопросов важнейших сфер общественной жизни. На сегодняшний день практически не осталось явлений и процессов, которые сохранили бы свою неприкосновенность, не попали бы «под прицел» меновой философии вследствие того, что в обществе господствует экономоцентризм.

Экономоцентризм — система взглядов, жизненных ориентаций и установок, в которых решающая роль при объяснении природы, общества, собственно самого человека, а также связей, устанавливаемых между ними, и норм, регулирующих возникающие отношения, отводится экономике и производным от нее феноменам. Так, глубоко имманентным для данного типа мировоззрения является понимание, к примеру, природы как «природного *ресурса*», осмысление человеческой личности в категориях «человеческий *ресурс*», «человеческий *капитал*», а также общественных связей с позиции «социального *капитала*» и т. д.

Рассматривая характеристики экономоцентрического общества, профессор факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики РФ Ф. В. Шелов-Коведяев указывает, что в нем роль экономики абсолютизируется: «Экономическая деятельность из инструмента обеспечения частных и общественных нужд превратилась в самодавлеющую сущность: недаром все чаще приходится слышать: «экономике требуется то-то и то-то», «экономика диктует» и т. д., будто она есть некая, абсолютно независящая от нас сила» [11, с. 157]. Это, по мнению профессора, крайне негативно отражается на многих сферах общественного функционирования, в частности, на демографии: «Малодетная семья — прямое следствие экономоцентрического мировоззрения» [11, с. 157]. В качестве аргумента он приводит следующие рассуждения: «Если человек воспринимает экономику как высшую по отношению к нему и, следовательно, непреодолимую си-

лу, то он тем самым настраивает себя на ограничение своего воспроизводства в потомках. Ведь одинокий индивид, лишенный широкой корневой системы родственных связей, более социально пластичен, а значит, более удобен бизнесу и управлению, экономике в целом, чем сплоченный коллектив дружных родственников. И коли многие уже привыкли воспринимать любые сигналы экономики как приказы, подлежащие исполнению без обсуждения, не удивительно, что они психологически настраиваются на малодетность» [11, с. 157]. Стоит согласиться с мнением российского исследователя, поскольку совершенно очевиден факт утраты поведенческой нормы многодетности в странах «победившего капитализма», которые, кстати сказать, по материальному уровню жизни являются одними из наиболее благополучных во всем мире. Несмотря на это, проблема сокращения численности населения является для них одной из наиболее острых. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие данные: «60% амстердамцев признались в проведенном опросе, что вообще не хотят обременять себя детьми; одиночество предпочитают браку 11% французов, 14% нидерландцев, 22% датчан; в Бельгии на все 10 млн жителей — 928548 семейных пар вообще не имеют детей» [7, с. 30].

Экономизация важнейших социальных связей затронула самые сложноорганизованные социальные институты, такие как наука и образование.

Так, наука стремительно утрачивает свои завоеванные ранее рубежи: социокультурный статус, свободный творческий поиск, высокий авторитет. Как мы знаем начиная с XVII века, наука из спорадического разрозненного феномена превратилась в социальный институт. А это значит — вступила в систему прав и обязанностей по отношению к обществу. Общество признало науку, легитимировало ее деятельность, наделила полномочным статусом, вплоть до абсолютизации ее роли. Еще недавно под грифом

«научно доказано» решались абсолютно все проблемы, вплоть до существования посмертной жизни, души, Бога и т. д. Хотя очевидно, что собственно специфическими научными методами это не доказывается, так как находится вне границ применения данных методов.

И, тем не менее, для нас интересно то, что клише «научно доказано» указывало на тот высочайший общественный статус, который занимала наука. Она выступала и как способ получения новых знаний, и как источник развития, и как институт по решению насущных прикладных задач, и даже в качестве духовного кормчего.

Сегодня, безусловно, мы наблюдаем колоссальное понижение статуса ученого и науки как таковой. Экономический момент здесь играет центральную роль. Если в прежние времена наукой и философией занимались люди состоятельные (рабовладельцы в античности, аристократия в Новое время и т. д.), то современный ученый занимается этим профессионально — т. е. наука для него — источник дохода для обеспечения жизни. В этих условиях даже в лучшие времена некоторые ученые рассматривали свою деятельность исключительно как способ получения чинов, званий и более сытого образа жизни. Но, тем не менее, значительная часть действительно развивала научное знание. Однако с тех пор как в обществе возобладали философия и психология, абсолютизирующая роль экономики, рынка и материального потребления, люди науки, как и прочие члены общества, устремлены преимущественно на добывание денег посредством своей профессии. Это выражается в стремлении получать всевозможные гранты, выигрывать конкурсы с материальным финансированием и т. д.

Все это приводит к тому, что цели и приоритеты развития науки все чаще и чаще определяются не отдельными учеными, высококвалифицированными специалистами в той или иной области, способными оценить потенциал и глубинные потребности неко-

торой области знания, и не научным сообществом в целом, а, находясь вне данного социального института, — определяются платежеспособным заказчиком: реже — государством (читай — чиновниками, которые решают свои, управленческие, задачи) либо крупным капиталом, имеющим запрос на реализацию своих узкособственных целей. Таким образом, наука стремительно превращается в сферу интеллектуальных услуг, выполняет субъективные заказы определенных групп лиц.

Образование, похоже, ожидает та же участь — утрата достигнутого социокультурного статуса, существование на грани вымирания. Экономоцентризм, охвативший современное общество, способствует тому, что современный человек скрупулезно вычисливает собственные сиюминутные выгоды, не желая сколько-нибудь увеличивать затраты, расходы, уменьшающие его нынешнюю прибыль. Вложения в будущее — это тоже уменьшение дохода в настоящем, а потому долгосрочные перспективы никто не хочет оплачивать — ни отдельный гражданин, ни крупный капитал, пребывающий в дне сегодняшнем, ни экономически ориентированное государство. А потому образование сегодня также сведено до статуса «образовательных услуг», переводится на самоокупаемость, что фактически подрывает самые его основы, ухудшает качество.

Современные исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что происходящая во всем мире реформа образования является выражением превращения его из феномена культуры в фактор экономики и технологий, дабы готовить не личностей для социума, а агентов для техноса. Из «фабрики мыслей» университеты превращаются в «фабрики информации», а вернее, — в универсамы по ее рекламе и продаже, в «предпринимательские университеты» [5].

Как справедливо отмечает Э. Фромм, рыночный тип мышления имеет глубокое влияние на систему образования: здесь «от начальной до высшей школы цель обучения

состоит в том, чтобы накопить как можно больше информации, главным образом, полезной для целей рынка. Студентам положено изучить столь многое, что у них едва ли остаются силы и время думать. Не интерес к изучаемым предметам или к познанию и постижению как таковым, а знание того, что повышает монетную стоимость — вот побудительный мотив получения более широкого образования» [9, с. 78–79].

Здесь интересно обратить внимание на такое обстоятельство, что научные исследования, проведенные в разное время по вопросу о, если можно так выразиться, «рентабельности системы образования», экономической выгодности его для общества, по мере усиления в социальных системах власти капитала претерпевают существенные изменения в своих фундаментальных выводах относительно данного вопроса.

Так, например, в России, еще в XIX веке, в 1886 году, постоянная комиссия по техническому образованию издала сборник, в который были включены научные статьи известных экономистов того времени И.И. Янжула, А.И. Чупрова и др., в которых они рассматривали влияние грамотности на производительность труда, пытались дать экономическую оценку образованию. В предисловии авторы лаконично сформулировали главные идеи, цели и задачи данного сборника: «Собрать воедино всевозможные аргументы экономического характера *на пользу народного образования* (курсив наш. — С. С.)...» (цит. по [2, с. 32]). Обратим внимание: данные экономисты в своих экономических изысканиях пеклись не об умножении капитала, не о том, сколько «расходов» уйдет на образование, на содержание «непроизводительных» педагогов, администраторов и т. д., а о *пользе образования*. Такая исследовательская установка коренным образом отличается от меркантилизма, более свойственного западноевропейской культуре, который рассматривает любую нематериальную сферу как потенциальную угрозу капитализации.

Между прочим, они отмечают: «Затраты на образование не представляют собой акта филантропии, а являются лишь непосредственным удовлетворением насущнейшей потребности страны в интересах прогресса ее производительных сил. Богатство и процветание России зависят от качества и уровня образования ее народа» (цит. по [2, с. 32]).

Проведенные во второй половине 80-х годов исследования в США (под эгидой американского Совета по образованию) на тему «Экономическая ценность высшего образования» имеют все еще *благоприятный исход* для самого образования: американские специалисты в области экономики Л. Лесли и Б. Бринкман сделали вывод, что инвестиции в высшее образование полностью окупаются и приносят ощутимые выгоды частным лицам [3].

Однако уже к середине девяностых годов образование вообще, и высшее образование в частности, ставятся на подозрение, обвиняются в «нерентабельности», невыгодности для человека и общества.

Так, известный специалист в области экономики образования, главный специалист департамента «человеческих ресурсов» Всемирного банка, Г. Псахаропулос в своем докладе «Отдача на инвестиции в образование» за 1993 год делает вывод о том, что социальная отдача образования в целом заметно сокращается по мере возрастания национального дохода в силу возрастания связанных с ним совокупных расходов на обучение.

Отдача начального образования гораздо выше, чем отдача от среднего образования, а последняя выше, чем отдача от высшего образования. Важным обоснованием такого вывода является величина расходов: университетское образование стоит гораздо дороже в расчете на одного студента, чем начальное и среднее образование в расчете на одного ученика» [3, с. 32].

Замечательный вывод. Оказывается, чем меньше в обществе высокообразованных людей, тем лучше для общества, тем быст-

рее растет его национальный доход. Сэкономленные от вложений в образование деньги повысят количество потребляемых благ на каждого члена общества. Вот такая политэкономия.

Таким образом, сегодня все чаще многие явления, процессы, отношения, составляющие пространство человеческого общежития, низводятся до статуса рыночного товара. Хотя они таковыми никогда не могут являться, не имея ни одного признака продукта, подлежащего обмену.

И это неудивительно: язык денег весьма циничен. На это обращал внимание еще в XIX веке известный немецкий философ Георг Зиммель. В своей работе «Философия денег» он указывал на то обстоятельство, что деньгам присуща способность вовлекать в обменный бизнес и те блага, которые не являются товарами, причем так, будто они таковыми являются. «Деньгам все глубоко безразлично. Это среда, в которой приравнивание различного осуществляется на практике», — соглашается с Г. Зиммелем в своей работе «Критика цинического разума» современный исследователь П. Слотердайк [6, с. 352].

Поэтому вполне закономерным является то, что говорящий на языке денег рынок беззастенчиво использует ресурсы духовного, символического капитала (П. Бурдье), никак не пытаясь поддержать и восполнить эту высокосложную реальность, поскольку мгновенной очевидной прибыли она не дает, а оказывает общесистемное укрепляющее, стабилизационное и усиливающее действие на социальную систему в целом.

Современные исследователи справедливо отмечают: «Вся сложная культурная, духовная, политическая деятельность в условиях регулирующей деятельности рынка оценивается уже не по качественным, а по количественным критериям» [4, с. 50]. Соответственно «все, что не является «рентабельным», выбраковывается рыночным сознанием из пространства социальных практик. Поэтому сегодня во многих сферах общест-

венного производства беззастенчиво сокращается то, что не сулит немедленной оккупаемости и выходит за рамки прибыльности» [4, с. 217].

Решение этой проблемы в плоскости сугубо экономического подхода представляется не только неэффективным, но и разрушительным для сущности и принципов функционирования нематериальной сферы общества.

Современными как зарубежными, так и отечественными мыслителями в качестве одного из методов повышения статуса труда, реализуемого в сфере нематериального производства, укрепления положения в обществе работников данной сферы предлагается метод перенесения принципов материального производства в нематериальную сферу. А именно: применение в нематериальной сфере категорий и законов экономического мышления (потребительская стоимость, нематериальный товар, рынок образовательных услуг и т. д., и т. п.). Вот что, к примеру, пишет о таком *нематериальном ресурсе* человеческого труда, как разум, известный белорусский экономист академик НАН Беларуси Н. Г. Никитенко: «Как существенное явление разум, накапливаясь в различных формах знания — науке, образовании, информации, технологии, культуре, духовности, психологии и других, все в большей степени «заявляет» о необходимости «вычленять» («отчуждать») себя из предметной деятельности и непосредственно фиксировать в статистической, бухгалтерской, финансово-кредитной, налоговой и других системах учета и анализа как специфического нематериального товара — стоимостного актива ноосферной (интеллектуальной) стоимости (патентов, изобретений, программных продуктов, методик, теорий, методологий, формул, моделей, авторского права и т. д.)» [10, с. 8].

И далее: «Организация и управление системой общественного воспроизводства разума (кроме фундаментальных научных исследований) как товара предполагает по-

всеместное введение его в производственные отношения преимущественно на рыночных принципах» [10, с. 8].

Рыночный подход к такому феномену человеческого существования, как разум, способствует вычленению его не только из предметной деятельности, но к гораздо более глубокому отчуждению — от личности самого человека. Главное условие разумной деятельности человека, согласно логике рынка, находится не внутри человека, а вне его — определяется спросом на данный вид «продукции». Материальный успех продавцов разума зависит от того, насколько большему количеству людей они смогут продать интеллигibleльные практики личности, безотносительно самой этой личности. Данный принцип используется при решении важнейших вопросов человеческой жизнедеятельности.

Так, например, современный экономический подход при выборе вида образования, будущей профессии (одного из важнейших выборов в жизни личности) рекомендует использовать учетно-бухгалтерскую логику точных цифр. «Сначала индивид определяет оптимальный объем образования для каждой данной профессии; затем он выбирает профессию, которая при оптимальном для нее объеме образования дает самую высокую приведенную оценку (стоимость) по жизненных заработков.

Равновесие спроса и предложения образовательных инвестиций достигается в точке, в которой предельная норма отдачи инвестиций в человеческий капитал равна предельным издержкам их финансирования и в которой норма отдачи равна процентной ставке. Оптимальный уровень инвестиций в образование определяется такой предельной нормой отдачи, при которой приведенная стоимость издержек образования становится

ся равна стоимости доходов от него» [1, с. 33].

Итак, норма отдачи, выраженная в денежном эквиваленте, рассчитана на предполагаемое количество лет жизни. И никаких тебе мучительных поисков будущего пути, склонностей и талантов, самореализации и служения обществу. Ведь профессия во многом определяет образ жизни. Публичная она или предполагающая мало контактов, творческая или связанная с механическим воспроизводством — все это не имеет сколько-нибудь существенного значения при экономическом подсчете выгод. А уж такие категории, как священная профессия, о чем хорошо было известно традиционному обществу, вообще не применимы в данной логике, поскольку священное не переводимо на язык цифр.

В этой ситуации «свободная рука рынка» вовсе не собирается поддерживать те социальные отношения и практики, которые прямо не направлены на решение задачи приращения капитала, а «нерентабельно» растратаивают свои ресурсы в пользу обеспечения качества жизни широких слоев общества. А потому такие неэкономические институты, как наука и образование, нуждаются в масштабной государственной поддержке (как это и происходит во многих странах). В отношении данных феноменов общество должно исходить из презумпции безусловной полезности, приоритетности в обеспечении качества жизни, достойного уровня развития общества, рассматривая собственно коммерческую деятельность как вторичную и даже не обязательную для данных социальных институтов.

Только лишь в этих условиях мы можем говорить о серьезном развитии науки и образования — необходимых составляющих успешного развития социума.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что в современной социогуманитарной рефлексии разработан ряд понятий, наиболее адекватно, по мнению автора, выражающих реалии современной жизни. А именно:

Экономизм — принцип, предполагающий перенесение норм функционирования экономической сферы на внеэкономическую реальность.

Экономоцентрическое общество — такой тип социума, в котором решающая роль при объяснении природы, общества, собственно самого человека, а также связей, устанавливаемых между ними и норм, регулирующих возникающие отношения, отводится экономике и производным от нее феноменам.

Экономический фундаментализм — абсолютизация значения рыночного обмена как универсального фактора регуляции социальных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беккер Г. С. Человеческое поведение. Экономический подход = human behavior. Economical approach.* М.: ГУВШЭ, 2003. 671 с.
2. *Добрынин А. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования.* СПб.: Наука, 1999. 309 с.
3. *Дятлов С. А. Человеческий капитал в системе современной экономики: Автограф. дис. ...д-ра экон. наук.* СПб.: СПбУЭФ, 1995. 46 с.
4. *Кирвель Ч. С., Семерник С. З. Общество будущего: победа экономического фундаментализма или постэкономическая реформация? // Проблемы управления.* 2010. № 2. С. 216–226.
5. *Кутырев В. А. Человеческое и иное: борьба миров.* М.: Алетейя, 2009. 264 с.
6. *Слотердайк П. Критика цинического разума / Пер. с нем. А. В. Перцева.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 584 с.
7. *Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / Ч. С. Кирвель и др. / Под ред. Ч. С. Кирвеля.* 3-е изд., перераб. и доп. Минск: Четыре четверти, 2010. 548 с.
8. *Философская энциклопедия: В 5 т / Под ред. Ф. В. Константинова.* М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. 740 с.
9. *Фромм Э. Человек для себя.* М.: Колледиум, 1992. 256 с.
10. *Человеческий потенциал Республики Беларусь / Научн. ред. П. Г. Никитенко.* Минск: Беларус. наука, 2009. 716 с.
11. *Шелов-Коведяев Ф. В. Полемические заметки политолога об экономике, политике и демографии // ОНС.* 2010. № 6. С. 154–159.

REFERENCES

1. *Bekker G. S. Chelovecheskoe povedenie. Ekonomicheskij podhod = human behavior. Economical approach / Gjeri S. Bekker.* M.: GUShE, 2003. 671 s.
2. *Dobrynin A. I., Djatlov S. A., Tsyrenova E. D. Chelovecheskij kapital v tranzitivnoj ekonomike: formirovanie, otsenka, effektivnost' ispol'zovaniya.* SPb.: Nauka, 1999. 309 s.
3. *Dyatlov S. A. Chelovecheskij kapital v sisteme sovremennoj jekonomiki: Avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk.* SPb.: SPbUEF, 1995. 46 s.
4. *Kirvel' Ch. S., Semernik S. Z. Obshchestvo budushchego: pobeda ekonomicheskogo fundamentalizma ili postekonomicheskaja reformatsija? // Problemy upravlenija.* 2010. № 2. S. 216–226.
5. *Kutyrav V. A. Chelovecheskoe i inoe: bor'ba mirov.* M.: Aletejja, 2009. 264 s.
6. *Sloterdajk P. Kritika cinicheskogo razuma / Per. s nem. A. V. Perceva.* Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2001. 584 s.
7. *Sovremennye global'nye transformacii i problema istoricheskogo samoopredelenija vostochnoslavjanskikh narodov / Ch. S. Kirvel' i dr. / Pod red. Ch. S. Kirvelja.* 3-e izd., pererab. i dop. Minsk: Chetyre chetverti, 2010. 548 s.
8. *Filosofskaja enciklopedija: V 5 t / Pod. red. F. V. Konstantinova.* M.: Sovetskaja enciklopedija, 1970. T. 5. 740 s.
9. *Fromm Je. Chelovek dlja sebja.* M.: Kollegium, 1992. 256 s.
10. *Chelovecheskij potentsial Respubliki Belarus' / Nauchn. red. P. G. Nikitenko.* Minsk: Belarus. navuka, 2009. 716 s.
11. *Shelov-Kovedjaev F. V. Polemicheskie zametki politologa ob ekonomike, politike i demografii // ONS.* 2010. № 6. S. 154–159.